

В.Н. Сидорцов

*СУБЪЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ: ОТ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ К ЕЁ НАУЧНОМУ АНАЛИЗУ*

Возрастание роли личности, её сообществ в истории является закономерным социальным явлением. Вследствие Первой мировой войны распались Австро-Венгерская и Российская империи, зашаталась колониальная империя, возник ряд самостоятельных государств, в анналы истории были вписаны многие новые имена. После Второй мировой войны пришли в движение отдельные социальные группы (например, афро-американцы и гомосексуалисты, осознавшие своё неравноправное положение в обществе, или суфражистки, активность которых проявилась ещё во второй половине XIX века в Великобритании). И этот процесс продолжался... Ныне «взбунтовался» арабский мир.

Мыслители заговорили о роли личности: история творится человеком, людьми. Эту идею в своё время пропагандировал Г.В. Плеханов – политический и общественный деятель, теоретик марксизма, поддержавший Февральскую революцию 1917 г. в России, но не признавший Октябрьскую революцию, последовавшую вслед за Февральской. В своих работах, в частности «К вопросу о роли личности в истории» [1], он рассматривал человека как непосредственного вершителя истории. При этом, отдавая дань «великим мира сего», обратил внимание на непосредственных производителей материальных благ, на народные массы. Однако роль личности в истории Г.В. Плеханов видел как детерминированную объективными условиями. Если бы Октябрьский переворот произошёл несколькими месяцами позже, после открытия Учредительного собрания, замечал он, сомнительной была бы октябрьская авантюра большевиков.

Для своего времени такое суждение, возможно, и отвечало действительности, имея в виду эффективность действий той или иной личности в историческом процессе. В отличие от Г.В. Плеханова, представители одной из современных парадигм – исторической синергетики – идут дальше. Они довольно свободны в толковании роли личности в истории – обычного человека – и не ставят её в прямую зависимости от положения в обществе и чрезвычайности внешних обстоятельств.

Мировидение личности содержит модель саморазвития человека в самоорганизующемся мире [2].

Рассматриваемая закономерность получила отражение в решении проблемы идентичности в истории, пришедшей к нам с Запада. В белорусской историографии она рассмотрена в монографии О.М. Шутовой «Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века» [3]. Уникальная в своём роде работа талантливой учёной фактически открыла широкие возможности для осмысления и переосмысления нашей белорусской историографии. В монографии с использованием многочисленных публикаций на английском, французском, русском и белорусском языках, идей и наработок многих зарубежных учёных, историков и философов, раскрываются и анализируются самые актуальные и важные, во многом неисследованные проблемы развития исторической науки. Среди них антропологический и лингвистический повороты, различные проявления постмодернизма, современные проблемы исторической эпистемологии в разных странах мира, в т. ч. Беларуси. Выявляются тенденции в эволюции западной исторической мысли, причём вопрос об идентичности рассматривается как «формообразующий» для анализируемых явлений, в которых акцент перенесен с изучения «объективных» институтов общества на «субъективное» в истории – человеческий опыт. Красной нитью проводится мысль об историографии как носителе идентичности самой истории.

Осознавая всю важность раскрытия процесса возрастания роли личности в прошлом современный исследователь истории не может не обратить его на методологию собственного анализа. Он просто обязан обременить себя поисками подходов и методов в выявлении роли личности в изучаемой им проблеме вне зависимости от того, к какой бы отрасли исторической науки она ни относилась (всеобщая, отечественная история, история международных отношений, археология, архивоведение, документоведение, музееведение, искусствоведение). Ибо история как наука – это человек, его сообщества и деяния во времени.

Специальными методами, без которых не может обойтись серьёзный исследователь, в нашем случае являются контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ [4]. Не вдаваясь в детальное описание этих методов (они достаточно описаны в Курсе лекций, недавно изданном [4] и представленный в электронной библиотеке БГУ), остановимся лишь на их значимости (эффективности) в раскрытии роли личности в истории.

В работах, как правило, называются исторические личности. Нельзя не отметить более того: по инициативе Брестского государственного университета совместно с Гродненским государственным университетом в

последние годы проведено четыре конференции, посвящённые личности в истории. Четвёртая из них состоялась в ноябре 2010 г. на тему «Личность в истории: героическое и трагическое». В программе конференции, в соответствии с которой она прошла, было зафиксировано 8 секции с числом выступающих от 10 до 13 человек в каждой (молодых специалистов, аспирантов, студентов, школьников). Рассмотрены различные исторические личности в отдельных временных рамках и жизненных ситуациях, «маленькие» люди, сами по себе и в контекст с окружающим миром [5]. Нисколько не умоляя сам факт организации и проведения конференции, укажем на такой её недостаток, как представление личности в качестве рисунка (портрета), без включения её в исследование того времени, когда она жила, трудилась, оставляя след после себя. Органическое включение человека в анализ соответствующей эпохи требует изучения, уяснения и использования специальных научных методов, о которых и пойдёт речь ниже. В противном случае в наш век антропологического и лингвистического поворота в истории сообщение, доклад, статья и др. (дипломная работа, диссертации) будут носить информационно-познавательный характер и не иметь должной научно-исследовательской ценности. С учётом, с одной стороны, актуального и доброго начинания, положенного организаторами этих конференций, а с другой, необходимости дальнейшего углубления этой важной работы и повышения её эффективности, научной значимости, организована и проводится данная интернет-конференция.

Традиционных методов для раскрытия роли личности в истории (историко-генетического, - сравнительного, - типологического, - системного и др.) недостаточно, так как они не позволяют раскрыть необходимую мотивацию действий личности. Только заимствование методов из других гуманитарно-социальных дисциплин, как-то социологии, психологии, лингвистики, и включение их в анализ личностных качеств, подспудно проявляющихся в конкретных исторических условиях, может вывести историческое исследование на должный научный уровень.

Контент-анализ, разработанный в социологии, представляет собой научный метод раскрытия связей и соотношения содержания представленной информации с её целевой установкой (цель, *научная*, – мысль, предвосхищающая результат исследования).

В отношении нарративных (повествовательных) источников или документов в социологии принято различать два основных вида их анализа:

- 1) **качественный**, который называется еще традиционным;
- 2) **количественный** (формализованный), который по международной классификации именуют *контент-анализом*.

Первый способ включает всё многообразие операций, связанных с отбором и оценкой качества документов, восприятием и интерпретацией их содержания. Такой метод основан на *интуитивном понимании*, анализе и обобщении содержания документа(ов), а также на логическом обосновании выводов. Однако этот метод ограничен возможностью субъективных смещений информации, обусловленных влиянием установок и предпочтений исследователя, сложившихся до начала анализа, и порою неосознаваемых им.

Для преодоления недостатков традиционного анализа в социологии осуществлялся поиск новых методов изучения документа, и таким методом стал контент-анализ. Важной предпосылкой развития и распространения этого анализа стала массовизация информационных процессов и связанная с ней необходимость анализа больших объемов информации. Наиболее наглядный эффект контент-анализ давал в сфере журналистской практики. Со временем он был распространён и на изучение других областей социальной реальности. В частности — на другой тип документов, как-то невербальные, иконографические (портреты, фотографии и даже сновидения), а также «спровоцированные» (сочинения на заданную тему, психиатрические интервью, ответы на открытые вопросы социологической анкеты).

И это не осталось без внимания «продвинутых» историков, работающих с нарративными источниками, углубляющих и расширяющих источниковую базу своих научных изысканий.

Однако надо помнить, что не все документы пригодны для контент-анализа и не всегда его проведение имеет смысл. Он применим лишь в том случае, когда объект исследования представлен большим массивом однородных документов, в том числе единичных (манускриптов, диссертаций), а интересующие исследователя элементы содержания встречаются в них с достаточной частотой.

При обращении к контент-анализу следует руководствоваться принципами: 1) *объективности* (в наибольшей степени она достигается в компьютерном контент-анализе); 2) *системности* (реализуется в том случае, если весь большой по объёму документ/все без исключения документы, попавшие в выборку, будут проанализированы по единой методике); 3) *ценности в истории*, ибо главный смысл изучения документа (нарративного источника) состоит а) в получении внетекстовой информации (о реальности), б) в удовлетворении информационных потребностей современности на научной (теоретико-методологической) основе.

Раскрывая роль такой неординарной личности, как М.П. Погодин — российский историк и общественно-политический деятель XIX века, — Н.А. Сугако в своей кандидатской диссертации, посвящённой общественно-

политическим взглядам М.П. Погодина [6], могла бы включить в выборку историографических источников все известные ей работы предшественников и подвергнуть их анализу по единой методике. Однако, искусственно создавая впечатление о новизне своего исследования, она не смогла убедительно обосновать выдвинутые положения о том, что М.П. Погодин был «классиком русского норманизма», исчерпал себя как учёный в 1840–1850-х гг., был карьеристом и др. Если бы соискатель учёной степени вчиталась в исследование М.П. Погодина «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» (1839 г.), прислушалась к голосу таких исследователей, как Д.А. Иванников, Н.И. Павленко, К.В. Рясенцев и др., «посидела» в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, подобных утверждений можно было бы избежать.

Психоанализ – выяснение на основе комплекса положений роли бессознательного в состоянии человека и его сообществ. Идущая от австрийского психолога и философа З. Фрейда концепция бессознательного или скрытых, подавленных влечений человека (групповых фантазий) предполагает использование психологического контент-анализа. В отличие от социологического контент-анализа психологический анализ предусматривает следующие действия:

- фиксацию слов, имеющих сильно выраженную эмоциональную окраску;
- установление всех метафор, преувеличений и повторений;
- игнорирование отрицаний (наше бессознательное не воспринимает их);
- запись ранее зафиксированных слов и выражений.

Затем на основе специальных таблиц (*Значения символов, Символы социальных посланий*), предлагаемых одним из мэтров психоистории профессором Лонг-Айлендского университета (Нью-Йорк, США) Дж. Атласом, устанавливается готовность психогруппы (того или иного человеческого сообщества) к переустройству социальной жизни или её отдельной стороны.

Упрощённой формой обращения к психоанализу может служить принятие решений, в т. ч. ответственных, противоестественных, продиктованных злобой или мстостью, противоречащих рассудку, под влиянием аффекта. Историк не может оставить без внимание подобное, поскольку его долгом является объяснение любого человеческого действия. Вот несколько примеров такого объяснения.

Стремление герцога Бургундии Филиппа Доброго во внешнеполитической деятельности (1419–1467 гг.) объединить под эгидой Нидерландов Францию, Священную римскую империю и даже Британию было утопичным, но он вызывал симпатии у лидеров этих стран. Несомненно, одной из возможных причин благожелательного отношения к

нему с их стороны (не только ближайшего окружения) была его увлечённость музыкой, страсть к устройству «музыкальных шоу». Кстати, о таком интересе к музыке упоминает в своей кандидатской диссертации Д.Н. Черкасов, однако не усматривая в этом объяснения, почему к Филиппу благоволили, отчего у него прозвище «Доброго» [7].

Создание российским историком А.В. Быстровым психопортрета Б.В. Савинкова позволило проверить версию гибели этого политического деятеля, эсера, террориста во внутренней тюрьме на Лубянке в Ленинграде: самоубийство или убийство. На основе различных источников, в т. ч. мемуаров и материалов следствия, Савинков был характеризован как истероид (истерический тип), который своими «проделками достал» конвоиров, и те подстроили ему падение в лестничный пролёт 7 мая 1925 г. [4, с. 48–49].

Психополитологическое исследование характерно для работы английского исследователя Х. Беррингтона «Когда личность имеет значение? Лорд Червел и область бомбардировок Германии» [4, с. 161]. В этой работе автор убедительно демонстрирует, как в определенных условиях, когда от политического деятеля зависит принятие окончательного решения, особенности его личностного склада имеют решающее значение. Так, в Великобритании в ситуации, когда необходимо было сделать выбор между бомбардировкой и мирных городов Германии, или только военных целей, и баланс сил сторонников и противников обоих вариантов был неустойчив, особое положение лорда Червела как научного советника Черчилля, его крайне эмоциональное выступление позволило лорду добиться реализации первого варианта. Этот вариант в большей степени отвечал его авторитаризму, ненависти к немцам и в целом к простым людям, склонности к карательным действиям.

Дискурс-анализ – рассмотрение связного текста в совокупности с нетекстовыми параметрами и факторами, являющимися предметом повествования или условиями, порождающими текст.

На примере дискурс-анализа речи И.В. Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 года, не трудно убедиться в эффективности использования этого метода для понимания сложившейся обстановки в начальный период войны и роли лидера страны в тот наиболее ответственный момент в её истории [4, с. 130–132]. Поражения первых месяцев войны, большие потери в людской силе многочисленные попытки немцев дестабилизировать советский режим, используя недовольство населения, заставляли лидера страны обратиться к идеологии патриотизма и народности.

Даже при беглом прочтении данного выступления, очевидной становится цель сталинской речи: рассеять сомнение, недоверие, тревогу и

мобилизовать народные силы, каждого советского человека на отпор фашистскому нашествию. Отказавшись от слова «товарищи», звучавшего слишком по-революционному, Сталин, прибегая к иной речевой практике, избрал традиционное обращение к народу, призывая его к национальному единству: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством». Речь при таком анализе наилучшим образом иллюстрирует, как Сталин риторически пытается добиться взаимопонимания и поддержки простых людей. Убеждаешься в крайне серьёзной опасности, нависшей над страной, и в способности такого лидера, как Сталин, при всём его коварстве, поднять народ на вооружённую борьбу и привести его к победе.

Другим примером применений метода может быть дискурс-анализ речей популярного в Италии политического лидера Берлускони, поборника курса на всяческое усиление итальянского присутствия в Средиземноморьи [8].

-
1. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. - М. : Гостполитиздат, 1956. - С. 300–335.
 2. Подробнее см.: Сидорцов, В. Н. К вопросу о роли личности в истории: взгляды Г. В. Плеханова и представителей синергетики / В. Н. Сидорцов // Российские и славянские исследования. Вып. III. – Минск : БГУ, 2008. – С. 164–167.
 3. Шутова, О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века / О. М. Шутова. – Минск : БГУ, 2008.
 4. См.: Сидорцов, В. Н. Методология истории / В. Н. Сидорцов. Курс лекций. – Минск : БГУ, 2010. – 207 с.
 5. Личность в истории: героическое и трагическое. Программа четвёртой международной конференции. 26–27 ноября 2010 года. – Брест, 2010. – 12 с.
 6. Сугако, Н. А. Общественно-политические взгляды М. П. Погодина. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук / Н. А. Сугако. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010.
 7. Черкасов, Д. Н. Внешняя политика Бургундии в 1419–1467 гг. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук / Д. Н. Черкасов. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010.
 8. Васильков, В. В. Политика Италии в регионе Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки в 2001–2009 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук / В. В. Васильков. – Минск : БГУ, 2011.